



ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Г. ШПРИНЦИН

МАТЕРИАЛЫ РУССКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ АН СССР И В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

Индейцы Южной Америки в последние годы все больше и больше привлекают внимание этнографов, так как в ряде районов Бразилии, Парагвая, Боливии и других республик до сих пор живут племена, остающиеся малоисследованными. Среди источников наших сведений об этих племенах важное место занимают материалы, хранящиеся в архивах Европы и Америки. Публикации, появившиеся в течение последних лет, наглядно показали ценность этих данных¹. Большая заслуга в деле опубликования архивных материалов принадлежит известному этнографу Альфреду Метро. В аргентинском журнале «Revista del Instituto de Etnologia de la Universidad Nacional de Tucuman», которым он руководил в течение нескольких лет, систематически печатались оставшиеся неопубликованными рукописи по этнографии и языкам вымерших и малоизученных индейских племен Южной Америки и исследования, основанные на архивных материалах.

Участие русских исследователей в изучении этнографии Южной Америки остается малоизвестным не только на Западе, но и в СССР. Между тем в этом трудном деле почетное место занимают две русские экспедиции в тропические области Южной Америки, состоявшиеся в 20-х гг. XIX в. и в первой четверти XX в.

Первая русская экспедиция в Бразилию (1821—1829), под руководством акад. Г. И. Лангсдорфа, имела целью изучение малоизвестных и труднодоступных районов Бразилии и Гвианы. Наличие в ее составе специалистов по разным областям знания, снаряженность необходимой аппаратурой и обменным фондом для приобретения коллекций должны были обеспечить выполнение тщательно продуманного Г. И. Лангсдорфом плана исследований. Однако работы экспедиции не были закончены вследствие болезни ее руководителя (тяжелая форма тропической лихорадки). Все же экспедиции удалось собрать материал огромной научной ценности по ботанике, зоологии, этнографии и языкам Бразилии. Коллекции, собранные экспедицией, находятся в соответствующих музеях АН СССР. Рукописные материалы и альбомы рисунков хранятся в Архиве АН (Фонд № 63).

¹ См., например, Felipe Guaman Poma de Ayala, *Nueva Corónica y Buen Gobierno* (Codex péruvien illustré), Université de Paris, *Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie*, vol. XXIII, Paris, 1936, XXVIII + 1179 (собрание начала XVII в.).

Этнографическая часть этих материалов представляет особенную ценность. Участникам экспедиции удалось встретиться с представителями нескольких индейских племен (шаванты, каяпо, гуайкуру, гуана, гуато, пересей, бороро, апиакá, мундуруку и др.). Часть этих племен в настоящее время почти вымерла, другие давно подверглись влиянию бразильцев. Почти все эти племена очень мало изучены. В существующей литературе о них имеются лишь отрывочные сведения². Основным источником по апиакá и в настоящее время продолжают оставаться опубликованные в Бразилии материалы художника экспедиции Г. Флоранса³. Материалы экспедиции, хранящиеся в Архиве АН, содержат путевые дневники, которые Г. И. Лангсдорф систематически вел с 1824 по 1828 г. (26 тетрадей), тематические записи и очерки экскурсий в окрестности Рио де Жанейро, в штаты Матту-Гроссу, Минас-Жерайс и в другие районы, деловую переписку, списки коллекций, подготовительные материалы (выписки из архивных данных и литературы). Записи эти велись на немецком и частью португальском языках. В Архиве АН хранится также вторая часть дневника художника Флоранса (1825—1828), написанная по-французски, и отдельные заметки. Основная часть его рукописей, повидимому, осталась в Бразилии⁴. Кроме рукописных материалов сохранились альбомы рисунков художников экспедиции. Одна из серий этих рисунков, изображающих индейцев и местности, посещенные экспедицией, в настоящее время представляет уникальную ценность. Достаточно указать на то, что по ряду племен почти не имеется изобразительного материала (апиакá, мундуруку и др.). Ландшафтные зарисовки неповторимы, так как эти районы в настоящее время совершенно изменили свой облик⁵.

Не будучи по специальности этнографом, Г. И. Лангсдорф прекрасно понимал важность изучения индейцев Бразилии. К этой работе он предварительно тщательно готовился, знакомясь с литературой, изучая, по мере возможности, языки индейцев. Его записи, иногда не лишённые наивности, сообщают новые факты или подтверждаются данными, опубликованными позднейшими исследователями. Наблюдения его касаются не только индейцев. Ряд записей в дневниках и отдельные очерки изображают быт бразильских колонистов и условия работы негров-рабов в городах, поместьях и на алмазных россыпях.

Г. И. Лангсдорф был подлинным энтузиастом науки. Тяжело больной, изнуренный лихорадкой, он продолжал вести наблюдения, собирать коллекции, лечить больных и руководить экспедицией. Свой последний дневник (посещение апиакá) он вел в перерывах между приступами лихорадки. «О том, что относится к 18 [апреля 1828 г.] я ничего не знаю. Я впал в горячку... Я не знал, что я делал. В день моего 55-летия, я себя почувствовал немного лучше и поэтому я хочу сделать следующие заметки». (Следует подробное описание украшений и татуировки апиакá.) 20 апреля... «Снова двухдневный пропуск. Два несчастно прожитых дня!... Я не думал, что перенесу вчерашний день. В течение двух дней я лежал без памяти, в бреду... После того, как двое человек едва могли

² Более подробные данные об этой экспедиции, литературу о ней и основные библиографические сведения о посещенных ею племенах — см. в моей статье «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в первой четверти XIX века». «Советская этнография», 1936, 1. Работа Г. Г. Манизера о Г. И. Лангсдорфе и его экспедициях хранится в Архиве АН СССР (фонд № 65).

³ Esboço da viagem feita pelo Sr. de Langsdorff no interior do Brasil, desde Setembro de 1825 até Março de 1829, Escripto em original francez pelo 2º desenhista da comissão scientifica Hercules Florence, «Revista trimestral», XXVIII, pp. 1—2, Rio de Janeiro, 1875.

⁴ Очерк Г. Флоранса, Живописное описание путешествия из Порту Филис

и Кюба, опубликован мной в «Советской этнографии», 1936, № 6.

⁵ Эта серия рисунков (130 номеров) подготовлена мной к опубликованию.

держать меня на ногах, сегодня я снова господин своего тела, но еще не моего духа» (далее идет описание селения апиакá, которое он обошел «шатаясь, медленно, при помощи палки и сопровождающего, как глубокий старик»). «После нескольких часов отдыха я нашел в себе достаточно силы... чтоб начать обмен»⁶.

Прекрасные коллекции предметов апиакá, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии, не только вещественные памятники почти исчезнувшего племени, но и свидетели огромной воли и сознания научного долга человека, приобретавшего их за несколько дней до трагического конца своей неутомимой исследовательской работы.

* * *

Вторая русская экспедиция в Южную Америку состоялась почти столетием позднее.

Весной 1914 г. среди группы участников биологического кружка при Институте им. П. Ф. Лесгафта в Петербурге возникла мысль о путешествии в Южную Америку. Поездка была организована при поддержке нескольких научных учреждений (Музея антропологии и этнографии, Зоологического музея, Петербургского университета, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и др.), а также частных лиц. В распоряжении молодых ученых имелась небольшая сумма денег (около 4000 руб.) и не менее скромное экспедиционное снаряжение. Поездка была рассчитана на 7—8 месяцев. Экспедиция состояла из пяти участников (двух этнографов, двух зоологов и одного экономиста). Подготовительные работы этнографического отряда проводились под руководством Л. Я. Штернберга. Значительную помощь оказало также Антропологическое общество при С.-Петербургском университете, в особенности его председатель Ф. К. Волков.

Экспедиция выехала в апреле 1914 г. по маршруту: Либава — Лондон — Буэнос-Айрес. В Южной Америке большое содействие экспедиции оказали русский поверенный в делах в Аргентине, местные власти и в особенности аргентинские и бразильские ученые; J. V. Ambrosetti, S. A. Lafone-Quevedo, R. Lehmann-Nitsche и др., при помощи которых были составлены маршрут и план работ экспедиции.

16 июня 1914 г. экспедиция выехала из Буэнос-Айреса водным путем, по рр. Парана и Парагваю, в город Корумба (Бразилия, штат Матту-Гроссу). Здесь экспедиция разделилась на два отряда. Зоологи Н. П. Танасийчук и И. Д. Стрельников в течение трех месяцев работали в окрестностях Корумба, а затем в Парагвае. Этнографы Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп работали вместе до 25 ноября 1914 г. Работа их часто протекала в очень трудных условиях. Часть пути к племени кадиуэо (около 200 км) пришлось проделать пешком по кампо (лесостепь). Бывали и приключения, опасные для жизни. Так, Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп едва не погибли, когда потерпели крушение, плывя в лодке-однодревке по Парагваю. Значительно осложнила условия работы наступившая мировая война.

В конце ноября 1914 г. Ф. А. Фиельструп вернулся в Буэнос-Айрес. Не имея возможности в тот момент возвратиться в Россию, он принял предложение профессора Амбросетти и отправился в плавание на военно-учебном судне вокруг берегов Южной и, частично, Северной Америки, в качестве представителя Этнографического музея в Буэнос-Айресе. После восьмимесячного путешествия он смог, наконец, возвратиться на родину. Систематизировав собранные им материалы, Ф. А. Фиельструп

⁶ Последний дневник Г. И. Лангедорфа, 31 марта — 20 мая 1828 г. (Архив АН, Фонд № 63, опись, 1, № 8, л.л. 19, 20, 21).

не успел их опубликовать. В дальнейшем он занимался изучением народов Средней Азии, в частности киргизов⁷. Материалы Фиельструпа по Южной Америке хранятся в Институте этнографии АН СССР.

Г. Г. Манизер, оставшись в Бразилии, в течение двух месяцев занимался изучением индейцев гуарани и каингангов в штате Сан-Паулу, после чего выехал в Рио-де-Жанейро. Регулярное пассажирское сообщение с Европой было прервано. Русский посланник в Бразилии помог Манизеру осуществить поездку к ботокудам, среди которых он прожил шесть месяцев. В конце 1915 г. Манизер возвратился в Россию. Тотчас же по приезде в Петроград он приступил к обработке своих материалов и изучению материалов экспедиции Г. И. Лангсдорфа. К сожалению, в его распоряжении оказалось очень мало времени. В конце 1916 г. он поступил вольноопределяющимся в армию. Вскоре он был направлен на румынский фронт, где, заболев сыпным тифом, умер 21 июня 1917 г., на 28-м году жизни.

В лице Г. Г. Манизера наука потеряла талантливого исследователя. Несмотря на молодой возраст, он был уже вполне сложившимся ученым. Об этом свидетельствуют его опубликованные и подготовлявшиеся к печати работы, в особенности полевые материалы, хранящиеся в Институте этнографии АН СССР.

За время его пребывания в Бразилии им более детально были изучены ботокуды (боруны), разрозненные группы потомков гуана (в частности чанэ и терёно), кадиувео, шаванты и каинганги. Часть времени Манизер, как и Фиельструп, посвятил наблюдениям над жизнью городского бразильского населения. В период их совместной работы, в особенности у кадиувео, Фиельструп уделял особенное внимание материальной культуре, Манизер занимался главным образом изучением языков и сбором лингвистических материалов.

Индейцы кадиувео (kadiuveo, kadiueo, лингвистическая группа guaуkubú) принадлежат к числу тех индейских племен, о которых неоднократно упоминают испанские и португальские завоеватели. Их предки — мбайа-гуайкуру́ (mbayá — guaуkigú) некогда населяли южную часть области Чако. В середине XVII в. они переселились на левый берег Парагвая. В начале XVIII в. они вместе с другим племенем этой же группы, пайагуа́, или ленгуа (paуaguá, lengua), неоднократно нападали на караваны белых поселенцев, плывших по Парагваю и его притокам. Впоследствии часть их продвинулась далее на восточное побережье Парагвая. Научившись ездить верхом на захваченных у белых лошадях, они часто совершали набеги на поселения колонистов. Испанцы и португальцы были бессильны в борьбе против indios savalheiros («индейцев-всадников»). Начало мирных взаимоотношений с ними относится к концу XVIII в. В настоящее время потомки мбайа-гуайкуру — немногочисленная группа кадиувео, живет в области, ограниченной на западе рекой Парагвай, на юге — Рио-Бранко, на востоке и северо-востоке — рекой Миранда. Эта территория, приблизительно в тех же границах, площадью около 30 кв. легв⁸, бразильским правительством закреплена за кадиувео. Последние получили эту территорию в награду за участие на стороне Бразилии в войне Парагвая против Бразилии, Аргентины и Уругвая (1864—1870). Немногочисленные остатки некогда большого племени к моменту посещения их русской экспедицией жили в трех селениях. Длительное соприкосновение с бразильцами оказало значительное влияние на все стороны их жизни. От их прежнего уклада сохранились лишь отдельные фрагменты. Этнографи-

⁷ Ф. А. Фиельструп умер в 1933 году. О его работах по этнографии киргизов см. С. М. Абрамзон, Этнографическое изучение Киргизии, в сборн. «Наука в Киргизии за 20 лет (1926—1946)», Изд. Киргизского филиала Академии Наук СССР Фрунзе, 1946.

⁸ Бразильская легва равна 6 км.

ческая литература о кадиувео очень бедна. Наиболее детально они были изучены в конце прошлого века итальянским путешественником, художником Боджиани (Guido Boggiani)⁹. О кадиувео XX века мы почти ничего не знаем. Поэтому материалы русской экспедиции представляют значительную, а в некоторой части уникальную ценность.

Архивные фонды экспедиции по кадиувео содержат этнографические материалы (главным образом Фиельструпа) и лингвистические (Манизера)¹⁰. Часть полевых записей, коллекции и фотографии погибли во время крушения лодки в Парагвае. Этнографические наблюдения тотчас же были восстановлены по памяти. По возвращении в Россию они были систематизированы Фиельструпом в виде двух очерков (общим объемом около двух печатных листов). Они содержат сведения исторического характера, физико-географическую характеристику района, описание внешнего вида селений, типов жилища, утвари, техники и хозяйства. Подробно описаны техника плетения и гончарства налепом, способы приготовления пищи и добывания огня. Много внимания уделено способам разрисовки лица и верхней части тела. Менее полны данные о социальных отношениях (половая жизнь девушек, формы брака, переход мужа в жилище родителей жены, непрочность брачных связей, воспитание детей, формы и знаки собственности)¹¹. Из области религиозных явлений надо отметить данные о влиянии католической религии, о шаманстве (наследственность призвания шамана, добрые и злые шаманы, способы шаманского лечения); характеристику представлений о болезни и смерти, описание погребальных обрядов (двойное погребение, траур).

Материалы о кадиувео имеются также в других рукописях Фиельструпа: конспектах и текстах докладов, в описаниях путешествий, в курсе лекций, читанных в Томском университете.

Индейцам терено посвящен небольшой (6 листов машинописи), но очень содержательный очерк. Описывается группа главным образом селения Бананаль. Не связанный общей темой, очерк этот представляет собой запись того, что автор имел возможность лично наблюдать или узнать от индейцев. Наиболее интересны данные о жилище, утвари, предания о происхождении терено, о получении огня, сведения о семейно-брачных отношениях («при браке муж поселяется в доме родителей жены и становится тем самым мужем всех сестер своей жены... у Энрике Пио, впрочем, жены не сестры: одна в Бананале, а другая в Ипегии»), об анимистических представлениях, о роли шамана и о влиянии христианизации.

В октябре 1914 г. Манизеру и Фиельструпу удалось производить наблюдения среди небольшой группы шавантов (33 человека) в момент их переселения в имения, где, по инициативе директора общества охраны индейцев, они должны были перейти к оседлости¹². Данные Фиель-

⁹ G. Boggiani, I Caduvei. Studio intorno ad una tribu indigena dell'Alto Paraguaya nel Matto Grosso (Brasile), Roma, 1895 (библиографическая редкость). Боджиани был убит индейцами. Его рукописи и полевые материалы сохранил путешественник А. Фрич (Albert Voitec Frič), бывший в это время в области Чако. Впоследствии Фрич их передал своему соотечественнику Ch. Loukotka. Часть этих материалов Лукотка опубликовал. См. Guido Boggiani, Viajes de un artista por la América Meridionale, Los Caduveos, Expedición al Rio Nabilique, en la región de las grandes cacerías de venados, Matto Grosso, Brasil (Manuscrito del autor, publicado por Ch. Loukotka y traducido al castellano por el doctor Juan Heller). *Revista del Instituto de Etnología de la Universidad Nacional de Tucumán*, 1934, tomo 1, entrega 3, pp. 495—556.

¹⁰ Ввиду того, что материалы экспедиции составляют три разных фонда, описание их будет дано отдельно — по фондам.

¹¹ В фонде Ф. А. Фиельструпа и в коллекциях Музея этнозоологии и этнографии имеются собрания зарисовок орнаментов (24 номера) и знаков собственности (6 листов).

¹² Шаванты (фа'я, опайэ) — одно из наиболее переобитых племен Южной Америки (бродячие собиратели и охотники) — обитают в штате Саз-Пауду. По данным Ф. А. Фиельструпа, в 1914 г. численность их составляла около 300 человек.

струпа о шавантах являются ценным дополнением к тому незначительному материалу, который известен о самых отсталых племенах материка (описание типов жилища, домашней утвари, способов изготовления и употребления лука и стрел, способа добывания огня сверлением, методов собирательства и охоты и пр.). Другому первобытному племени, каингангам, посвящен небольшой очерк, описывающий одну из групп, незадолго до того поселенную в правительственной инспектории.

Перечисленными материалами далеко не исчерпывается фонд Ф. А. Фиельструпа. Он содержит, кроме того, конспект и тексты лекций и докладов, путевой дневник, который он вел во время путешествия вокруг берегов материка, описание путешествий по Бразилии и несколько очерков о Бразилии и бразильцах.

Основная часть фонда Г. Г. Манизера содержит материалы по этнографии, фольклору и языкам нескольких индейских племен Бразилии, материалы по этнографии, фольклору и языку бразильцев. Значительная их часть Манизером была обработана. Этнографические материалы были опубликованы в виде отдельных статей. Из их числа наибольшую ценность представляют статьи о каингангах и особенно о ботокудах. Несмотря на недостаточность данных по ряду основных вопросов (номенклатура родства, формы собственности и др.) и устарелое построение статьи о ботокудах, она, наряду с описанием принца Максимилиана Вида¹³, является лучшим источником сведений об этой группе индейцев, находящихся на грани полного исчезновения. О ценности этой работы можно судить хотя бы потому, что в 1919 г. она была переведена на французский язык и издана в Бразилии. Неиспользованные автором в печати материалы дневников и тематических полевых записей также содержат много ценных этнографических данных. Исключительное научное значение имеют лингвистические материалы и, в особенности, словари и тексты. К сбору этих материалов Манизер приступил, получив теоретическую подготовку по языковедению в Петербургском университете у И. А. Бодуэн де Куртене и по экспериментальной и общей фонетике у Л. В. Щерба. Им были также тщательно изучены лингвистические труды Фр. Боаса и других американских языковедов. Уже в процессе работы на месте Манизер на практике убедился в неправильности обычно принятых методов собирания языковых данных и в неточности записей фонетических особенностей языков индейцев Южной Америки. Ряд замечаний в его записях свидетельствуют о том, с какой серьезностью он относился к сбору лингвистических материалов. Так, в одной из его работ имеется следующее замечание: «Во-первых, изолированные слова наших грамматик для индейца, говорящего по-португальски, не существуют — не имеют смысла. Вопрос о том, как будет на его языке «рука», неизменно вызывал недоумение: «Чья рука?», «Что рука?» Чаще всего, кажется, неразумность вопроса приписывалась нашему неумению выражаться и отвечающий исправлял, как должно, т. е. говорил: «Моя рука больна», или «Моя нога грязна» и т. п. (примеры подобных ответов нередки в списках туземных «слов» путешественников). Во-вторых, индеец никогда не отделяет, не абстрагирует слова от предмета. Он не переводит слова, а называет предметы, о которых его спрашивают: вопрос о том, как перевести «моя рука», всегда переводился выражением «твоя рука» или даже «рука белого», так как имелась в виду рука спрашивающего»¹⁴. Словари индейцев чанэ, кадиувео, каингангов и ботокудов составлены по методу «аналитического изучения языков» американской школы, возглавлявшейся Боасом. Но во всех записях чув-

¹³ M. Wied-Neuwied, Reise nach Brasilien in den Jahren 1815—1817, 2 B-de, Frankfurt a/M., 1820—1821.

¹⁴ «Опыт объективно-лингвистического исследования по языкам некоторых бразильских племен», л. 20 (рукопись).

ствуется подготовка, полученная Манизером у Бодуэн де Куртене. Однако, что особенно интересно, Манизер не следовал слепо за Бодуэн де Куртене. Так, он пишет: «Всякий язык можно разложить на далее неразложимые группы звуков (или отдельные звуки), которые условно (только для говорящих!) связаны с воспитанием, с определенными подробностями окружающей среды, называемыми «значением». Эти единицы phonetic groups, sound-clusters Боаса, я, для краткости и удобства, называю «сэмами» (от греческого *ἄσμα*), отказываясь от термина «морфема» Бодуэн де Куртене (как выше от термина «фонема») из-за его метафизического (психологического) содержания, хотя практически сэмы и морфемы часто совпадут». За основу, при составлении словаря взяты не отдельные слова, и фонетические элементы речи — морфемы, или, по терминологии автора, сэмы. Слова и фразы индейских языков переведены на португальский и, в небольшой части, на русский языки. В основу транскрипции положен алфавит Международной фонетической ассоциации, с внесением некоторых знаков, предложенных Л. В. Щербой в 1913 г. Словарь языка чанэ был составлен наново, во время вторичного посещения селения Бананаль. Ранее собранные, значительно более полные, материалы погибли во время крушения лодки. 338 карточек словаря расположены по сэмам: животных, растений, чисел, частей тела, атрибутов (величины, схожести, интенсивности), места и положения, именным (предметным) и др. Словарь языка кадиувео (более 300 карточек) был составлен во время двухмесячного пребывания Манизера и Фиельструпа в селении Налике. В этом же селении в 90-х гг. прошлого столетия работали упоминавшиеся выше Боджиани и Фрич. При обработке своих записей Манизер учел опубликованные данные Боджиани, Фрича и других исследователей. Словарь языка каингангов значительно более беден ввиду трудности собирания материалов, так как ни один из индейцев не знал португальского языка, а бразилец-переводчик в недостаточной степени владел языком каингангов. Тем не менее, словарь Манизера представляет большую научную ценность, так как до настоящего времени язык каингангов остается мало изученным. Собранные им данные Манизер впоследствии дополнил опубликованными словарями. Исключительную научную ценность имеет словарь языка ботокудов (723 карточки). Записи производились с перерывами в течение пяти месяцев от представителей самой южной группы этих индейцев, а также от индейцев других групп, переселенных правительственной инспекцией, во исполнение плана концентрации отдельных групп ботокудов. Объектами наблюдений были также дети школьного возраста, которых Манизер, уже знавший язык ботокудов, обучал чтению и письму по-португальски. Это сравнительное изучение позволило установить общность языка, с незначительными различиями у отдельных групп. Португальско-ботокудский словарь, составленный на месте, неоднократно проверялся и дополнялся. По приезде в Петроград Манизер его обработал, используя образцы фразеологии и записи сказок, а также дополнил сравнительными данными, опубликованными в печати.

Кроме словарных записей в фонде Манизера имеются 13 сказок и 10 песенок, с нотными записями. Ботокудский текст сопровождается португальским подстрочным переводом. Для некоторых из них дан литературный перевод на русском и португальском языках. Тексты на ботокудском языке, насколько нам известно, никогда не публиковались.

Словари и тексты Г. Г. Манизер, повидимому, предполагал включить в свою работу «Опыт объективно-лингвистического исследования по языкам некоторых бразильских племен». Рукопись ее хранится в архивном фонде. Это исследование состоит из двух частей. Первая содержит следующие разделы: предисловие, учение о звуках (фонетика), грамматические категории (морфология), общая характеристика языков

Северной Америки (по Боасу, с критическими замечаниями автора). Вторая часть, озаглавленная «Материалы по языкам четырех племен Бразилии (кадиувео, чанэ, каинганг, ботокудо)», состоит из введения и четырех глав — описаний языков указанных племен. Главы эти построены по единой схеме: фонетика, грамматические средства, грамматика (морфология), словарь. Последние три раздела содержат только описательную часть. Включение конкретного материала возможно при подготовке рукописи к печати. Несмотря на то, что некоторые теоретические установки автора в настоящее время уже устарели, это не снижает ценности его исследования.

Полевые материалы еще одного участника экспедиции — С. В. Геймана составляют четыре тетради путевых записей путешествий по Парагваю, Чили и Аргентине. В них частично имеются и этнографические наблюдения, проведенные среди ряда индейских племен и русских колонистов. Самостоятельного научного значения они не имеют. Интересен ряд фактов, в особенности относящихся к арауканам. Словари племен она и алакалуф (Огненная Земля) также не представляют большой ценности.

И. Д. Стрельников также занимался собиранием этнографических материалов. Они опубликованы в Сборниках Музея антропологии и этнографии и в изданиях Международных конгрессов американистов.

Второй русской экспедицией в Южную Америку были привезены значительные коллекции, поступившие в Музей антропологии и этнографии, Музей антропологии Московского университета и в Этнографический музей в Буэнос-Айресе. Наибольшую ценность и, возможно, уже музейную редкость представляют комплексные коллекции по ботокудам и каингангам (собиратель Манизер), каа-ива (гуарани Парагвая; собиратели: Стрельников и Танасийчук) и кадиувео (собиратели: Манизер, Фиельструп и Гейман). Интересны также коллекции, собранные Гейманом среди индейских племен области Чако (Парагвай, Аргентина).

Настоящий краткий очерк об этнографических и лингвистических материалах русских экспедиций в Южную Америку содержит описание лишь наиболее ценных из этих материалов. Но и эти сведения достаточны для того, чтобы дать представление об их научной значимости. Научная обработка их — долг советских американистов. Опубликование их явится вкладом в дело этнографического изучения Южной Америки и несомненно привлечет внимание советских и зарубежных этнографов и лингвистов.